

«СУДЬБА РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ – НЕ ТОЛЬКО ИХ ЛИЧНОЕ ДЕЛО»

Литератор Вальдемар Вебер отвечает на вопросы нашего корреспондента

Беседовала Лилия ФИШЕР

„Европа-Экспресс“, Берлин,
№ 36 (339) 30.08. – 05.09.2004, стр. 5

- Вальдемар, читатель в Германии знает вас не только как профессионального литератора – поэта, переводчика, прозаика, но и как философа. Кем вы себя ощущаете в большей степени?

- Ну, насчёт философа – это сильное преувеличение. Я, наверное, философствующий литератор. Пишу стихи и прозу, в которых я и мои герои время от времени «рассуждают».

- Какой культуры вы дитя?

- Немецко-русской или, если хотите, русско-немецкой: я немецкое и русское в себе не разделяю, они во мне слиты. Тем более, что между ними много общего...

- Немецкое и русское начало в вас – это «счастливый брак» или всё же «брак по расчёту»?

- Не знаю, счастливый ли, но явно не по расчёту. Какой тут расчёт, когда судьба сама вмешивается? Во мне изначально жило немецкое чувство. Что это такое, почему жило – не знаю. Сколько себя помню, всегда чувствовал себя немцем. При этом рос в атмосфере городка во Владимирской области – а более русскую атмосферу трудно себе представить – и, естественно, впитал в себя это русское, оно мне так же близко, как и немецкое. Мне кажется, я очень хорошо чувствую русского человека. Да я, собственно, им и сформирован. Но была семья, очень типичная, настоящая немецкая семья, мои чудесные родители, давшие мне воспитание, образование. Несмотря на это, я в «немецкости» своей долго ощущал какую-то недостаточность, хотелось «добрать» до «настоящего немца», поэтому и в Институт иностранных языков пошёл, а не на философский, куда больше тянуло. Ну а затем влюбился в немецкую литературу, она стала моей профессией. Кстати сказать, на моих немецких друзей я неизменно произвожу впечатление русского человека. Логика никакой.

- Виктор Астафьев сказал как-то: «Русский человек – такая бездна». Может, ваши друзья в вас эту бездну и видят? Ну, им виднее... Что, по вашему мнению, общего в русской и немецкой культурах?

- Относительно «бездны» мы когда-нибудь отдельно поговорим, это вечный русский разговор и вечно нужный разговор, но требующий другого газетного пространства. На эту тему хорошо говорить ночами на российской кухне с другом, приехавшим в Москву из Сибири. Особенно за второй бутылкой водки, когда жена и дети спят, – это советский вариант, не «тургеневский». Но разговор, тем не менее, всё о том же. Интересно в вашем вопросе другое. Вы спросили сразу и о русской, и о немецкой культурах. А ведь действительно оба они перенесли в XX веке чудовищные потрясения. Симптоматично, что и предыдущие трагедии этих народов происходили примерно в одно и то же время: XVII век и для России, и для Германии был веком потрясений. В России – «смутное время», в Германии после Тридцатилетней войны осталось меньше трети населения и такая же доля домов. Опыт страданий и последующих поисков другой модели жизни сближает немцев и русских. В современном же контексте обе страны – пораженцы. О какой победе русских после большевистского и сталинского террора и страшных потерь в ходе Второй мировой войны можно говорить? Немцы до сих пор выбираются из ямы, в которую их столкнула «Тридцатилетняя война» XX века (1914-1945 гг.).

- *Как-то вы сказали, что эмиграция – тема примитивная. Почему?*

- Эмиграция – тема скучная. Ведь ничего нового не скажешь. Я бы сказал, что тема эта в нашем современном европейском контексте – бездуховная, она никуда не ведёт. Хотя и считается как бы элитарной: уходит, мол, в эмиграцию, решается на уход элита, т.е. наиболее смелая, живучая часть населения. Современная же эмиграция скучна именно потому, что обоснована только материальными причинами. Настоящих проблем у этой волны эмиграции нет, они придуманы, а посему неглубоки. У каждого из приехавших своя личная судьба, но у них нет общности, нет идеи, их объединяющей. Они кто хотите – независимые мобильные люди с космополитическим самосознанием, творческие субъекты, которым кажется, что за граница их оценит лучше, а также халявщики, иждивенцы, прихлебатели. Но не эмигранты. Эмигрант живёт идеей возвращения, идеей сохранения культуры своей родины, её спасения. В современном открытом российском пространстве для этого не нужно эмигрировать. Даже если президент – бывший полковник КГБ.

- *Чувствуете ли вы свою принадлежность к загадочному, «необъяснённом» народу – российским немцам?*

- Уже давно приходится слышать: я, мол, не русский, я петербуржец, я одессит, а с недавнего времени – и в Германии от немцев: «я европеец». Слово «народ» стесняются произносить. Я, видите ли, солист, а не голос из хора. Но народы пока существуют, это реальность, хочется этого или не хочется всякого рода «глобализаторам». И я думаю, так будет долго, ибо существование народов – вещь богоданная. Народное и национальное сохраняется в деревнях и маленьких городах и сёлах, где люди трудятся на земле и близки к природе. «Отменить» народ – это как изменить саму природу и климат. В отношении российских немцев – мы вернулись в немецкий этнос, и дай Бог, чтобы наши дети и внуки своей чужеродности не ощущали, став частью немецкого народа, который, я верю, ещё возродится, станет снова единым обществом, интегрирует всех живущих в нём людей, в том числе и иностранцев, не допустит создания параллельных обществ (турецкого, русского и прочих), о чём недавно говорил наш новый президент.

- *Чем для вас является 28 августа – день выхода сталинского указа о депортации российских немцев?*

- В этот день мы хотим напомнить германскому обществу, что судьба российских немцев является не только их личным делом. Наша судьба – это судьба всего немецкого народа. Из всех «белых пятен» в истории изгнанных немцев именно история российских немцев в сознании современных граждан Федеративной Республики – «самое белое пятно». Именно поэтому в этот день мы говорим не только о прошлом, но и о нашем настоящем и будущем. Именно поэтому среди первых изданных мною книг – «Зона полного покоя» публициста Герхарда Вольтера. Она имеет огромный успех. Я не стесняюсь говорить о ней: «ЭТА книга должна быть в доме каждого российского немца». На Западе в отношении преступлений на Востоке царило полное молчание. Тоже своего рода «Зона полного покоя». В то самое время, когда в Нюрнберге судили военных преступников, по всей Европе многие миллионы немцев изгонялись со своей земли, продолжалась депортация народов СССР в Сибирь и лагеря ГУЛАГа. Кто думал тогда о каких-то российских немцах, обречённых погибнуть за Уралом? Молчание это длится более 60 лет.

- *Какой смысл вы вкладываете в понятие «интеграция»?*

- Для меня интеграция – это способность реагировать на события немецкой жизни, способность оценивать её адекватно и, как следствие, входить в контакт с этой

жизнью, меняя судьбу. Интеграция – это не посиделки и искусственные «ферайны», пригревающие бездельников и халявщиков. Интеграция – это работа, профессия.

- *Что вам помогает в трудные минуты?*

- У Готфрида Бенна есть стихотворение об отчаявшихся: «Подумай о тех, чья жизнь была тщетной!». Я лично лишь однажды ощутил полное отчаяние: когда в результате несчастного случая погибла моя взрослая дочь. Не умереть мне тогда помогли работа, творчество и вера в Бога. «Самоубийства совершаются от бессилия спеть песню своего отчаяния», – написал я позднее. Но отчаяние из меня так и не ушло, я научился жить рядом с ним – вот уже девять лет, как живу, – выразить это словами невозможно.